

И. Ю. Котин, Е. С. Соболева

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

**Помощники, информанты и друзья
этнографической экспедиции А. М. и Л. А. Мерварт
на Цейлон и Индию в 1914–1918 гг.¹**

Российские музеи приложили немало усилий для того, чтобы собрать, изучить и выставить на экспозиции коллекции из-за рубежа. Многолетними усилиями Н. Г. Краснодембской раскрыты некоторые аспекты истории восточных собраний МАЭ. Она суммировала свой личный опыт в этом плане в докладе «Виды/типы полевой этнографической работы в Южной Азии в XX–XXI вв.: методы и спонсоры (из личного опыта)», прозвучавшем (на английском языке) на Всемирном Конгрессе антропологических и этнографических наук в Дели (Индия) в октябре 2023 г.:

После установления в 50-е годы XX в. прямых отношений между странами Южной Азии и СССР связи научного типа между ними создавались постепенно, и не сразу этнологам было легко попасть к изучаемым народам. В этих условиях возникали необычные варианты полевых изысканий. Автор рассказывает, как будучи студенткой, аспиранткой и молодым научным работником начала *полевую работу* прямо в Ленинграде среди учащихся из Индии и Цейлона. Потребность не книжной, а живой информации была бесконечна, а понятие о ценности

¹ Настоящая статья основана на тексте доклада (Igor Yu. Kotin, Elena S. Soboleva. «Assistants, Informants and Friends. Local supporters of the Russian Ethnographic expedition to Ceylon and India in 1914–1918»), доложенном на Панельной дискуссии Всемирного Конгресса антропологических и этнографических наук в Дели в октябре 2023 г. «Исследователи, информаторы, посредники: как российские учёные изучали страны Крайнего Юга в XX–XXI вв. (IUAES-2023 Panel: P121 — Researches, informants, mediators: as Russians scholars studied the countries of the Far South in XX–XXI centuries)». Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта 23-29-00962 «Полиморфизм российских научных экспедиций накануне Первой мировой войны: историко-этнографическое наследие отечественных естественнонаучных экспедиций в Южную Азию и Южную Америку».

этнологического / этнографического факта было заложено в сознании автора ещё после знакомства с трудами её русских предшественников в науке — Ивана Минаева (1840–1890) и супругов Александра (1884–1932) и Людмилы (1888–1965) Мервартов. Учащиеся из Южной Азии в Ленинграде в ту пору были еще глубоко связаны с нормами и традициями собственной культуры, и они стали первыми для автора спонсорами её копилки полевых наблюдений, щедро делились своими знаниями. Завязались первые связи по переписке, иногда с родителями этих учащихся. Эти отношения были взаимно интересны и часто для всех участников — первыми живыми контактами с представителями разных культур. На следующем этапе, после 1979 г., уже в изучаемой стране, получив финансовую и организационную поддержку от Института этнографии и Академии Наук СССР, в конкретной полевой работе автор во многом полагалась на помощь местных семей, обретенных ранее друзей и новых знакомых — коллег, религиозных служителей и деятелей культуры. Научная информация собиралась отчасти стихийно, в соответствии с житейскими и техническими возможностями; очень важно было составить общее представление о культуре изучаемого народа, хотя имелись и более конкретные цели. На третьем этапе, уже в XXI в., благодаря более широким связям в местной научной среде, удалось осуществить три планированные поездки с заранее продуманными целями, программами и выбранными регионами. В конкретной полевой работе автором с самого начала применялись способы смешанные: прямые и наводящие опросы, метод включенного наблюдения и др. Поддержка друзей и сочувствующих из местной среды была бесценной для достижения необходимых успехов ².

Историю южноазиатских собраний в МАЭ Н.Г. Краснодембская начала изучать по-иному после того, как в 1980 г. она вернулась из первой своей экспедиции на Шри-Ланку. Там, в сингальской среде, она осознала важность прикладного этнографического знания, увидела, насколько бережно ланкийцы сохраняют свою культуру. Она написала книгу «От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии)» [Краснодембская 1983], тираж которой был мгновенно распродан.

Ещё будучи студенткой, Н. Г. Краснодембская увлеклась сингальским языком и нашла публикации супругов Мерварт об их этнографической работе на о-ве Цейлон в начале XX в. Эта экспедиция была практически забыта, советские востоковеды могли только мечтать о поездках в Индию, хотя основатель российской индологической школы И. П. Минаев призывал изучать живую культуру.

² *Nina G. Krasnodembskaya. Types of ethnographic field work in South Asia in the 20th and 21st centuries: methods and sponsors (from personal experience) // 19th IUAES-WAU World Anthropology Congress “Marginalities, Uncertainties, and World Anthropologies: Enlivening Past and Envisioning Future” 14–20 October 2023: Book of Abstracts. University of Delhi, India, 2023. P. 337.*

С Людмилой Александровной Мерварт студентка Краснодембская познакомилась в 1960-е гг. через востоковедные контакты и фактически оказалась наследницей её семейных фотографий. Они несколько раз встречалась с ней в Ленинграде и в Москве.

В первом случае — на Восточном факультете ЛГУ, во втором — на ее квартире на ул. Чкалова (квартира была выделена ей государством и являлась единственным в ее жизни собственным жильем). Кроме личных встреч у нас с ней состоялось несколько сердечных и содержательных (в смысле изучения этнографии и языков Южной Азии) разговоров по телефону. Людмила Александровна выслушивала мои вопросы, охотно на них отвечала и дала мне несколько важных профессиональных советов. Она еще дала мне адрес своих родственников в Ленинграде, уверяя, что я всегда могу обратиться и к ним с моими расспросами, а также адрес и телефон своей дочери Любви, которая со своей семьей проживала в подмосковье — в городе Зеленограде. Вскоре мне удалось познакомиться с ленинградскими родственниками Людмилы Александровны: это были вдова и дочь ее младшего брата Владимира Лобанова — Зинаида Евгеньевна и Людмила Владимировна Лобановы, которые проживали на улице Рылеева, в квартире, которая принадлежала Александру Михайловичу Левину (нанималась), отцу Людмилы Александровны, и являлась родным гнездом для всех членов его семьи. В 1960-е годы из всех членов семьи здесь остались только эти упомянутые женщины, и они занимали уже только часть квартиры (примерно половину), а в другой ее части жили чужие люди, подселенцы. Но Лобановы дружили с соседями, и те, будучи заметно моложе, даже помогали им в бытовых проблемах. З. Е. и Л. В. Лобановы стали таким образом хранителями семейной истории и семейных легенд, и оказалось, что охотно готовы этими знаниями поделиться со мной. Я не один раз бывала у них в гостях, совсем по-дружески, пару раз приглашала в музей Людмилу Владимировну (Зинаида Евгеньевна уже была очень пожилым человеком и редко выбиралась из дома). И поддерживала телефонную связь с Людмилой Владимировной почти до конца ее жизни: будучи уже одна, она оставила квартиру дальним родственницам, а сама доживала свой век уже в современной однокомнатной квартире в Выборгском районе Ленинграда, откуда ей было удобно ездить на работу в Колтуши (по профессии она была биологом). Фотографии мне были переданы, когда обе женщины еще продолжали свое существование на улице Рылеева: просто были вынуты несколько листов из семейного альбома. Кроме «главных» для нас героев, на фото присутствуют старшая сестра (или няня?) и братья Людмилы Александровны Мерварт и некоторые другие члены семьи А. М. Левина. Кроме того, обнаруживаем изображения младшей коллеги Мервартов по МАЭ Татьяны Александровны Корвин-Круковской, что является редкой удачей.

Фотографии Мервартов Н. Г. Краснодембская передала в МАЭ, они опубликованы.

Таким образом, трудами Н. Г. Краснодембской имена замечательных российских ученых, долгое время бывшие в забвении, возвращены в науку. Наши архивные изыскания последних лет позволяют по крупицам собрать сведения о работе первой русской экспедиции, заполнить всё ещё многочисленные белые пятна. Письма, дневники, заметки, комментарии к коллекционным описям МАЭ содержат имена людей, помогавших Мервартам в их предприятии.

В 1914–1918 гг. Густав Германн Христиан Мерварт (Gustav Hermann Christian Meerwarth) (в России — Герман Христианович) Мерварт (1884–1932) и Людмила Александровна Мерварт (1888–1965) были командированы на Цейлон и в Индию «для сбора разных коллекций и для изучения быта туземцев (их религии, нравов и пр.)» (АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 2)». В 1916 г. в Индии, под влиянием обстоятельств и своей воцерквлённой супруги он принял православие и имя Александр Михайлович.

Дирекция Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (далее — МАЭ) Императорской Академии наук (далее — ИАН) тщательно готовила эту экспедицию, поскольку создание нового отдела Индии имело основополагающее значение для судьбы музея в целом. Академик В. В. Радлов с 1894 г. последовательно реализовывал масштабный проект превращения вверенного ему Музея в передовое научное учреждение. Важными этапами развития МАЭ стало повышение его статуса. К 200-летию юбилею Петербурга директор добился того, что 21 декабря 1902 г. император Николай II согласился на наименование музея именем Императора Петра Великого) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Д. 150. Л. 253), что сразу привлекало солидных спонсоров и обеспечило дополнительные финансовые вложения. Примеру МАЭ последовал академик Ф. Н. Чернышев: вверенный ему музей стал называться «Геологический Музей имени Императора Петра Великого» с 1 марта 1903 г. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 90. Л. 9).

Музеи ИАН получали серьезную поддержку от «корреспондентов», собиравших для них материалы на местах. В 1898 г. было введено звание «корреспондент музея», а с 1903 г. с разрешения Историко-Филологического Отделения (далее — ИФО) ИАН, по ходатайству дирекции, выдавался диплом на звание корреспондента Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого, подписанный Непременным Секретарем ИАН. В 1904 г. В. В. Радлов убедил коллег-директоров разработать «Положение о Попечительных Советах при Музеях Императорской Академии Наук». 21 февраля 1907 г. император Николай II утвердил текст «Положения», и Общее Собрание ИАН 10 марта 1907 г. разрешило В. В. Радлову приступить к организации Попечительного Совета в МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Д. 154. Л. 30). Августейший Президент Академии Великий князь Кон-

стантин Константинович Романов утвердил 16 апреля 1909 г. первого попечителя — инженера-технолога Феликса Юльевича Шотлендера — в звании Почетного члена Попечительного о Музее Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого Совета. Тот пожертвовал средства для надстройки третьего этажа музейного флигеля. По ходатайству ИАН Указом Правительствующего Сената от 15 октября 1909 г. Эмиль-Феликс Шотлендер и его дети были возведены в потомственное дворянское достоинство Российской Империи (РГИА. Ф. 1405. Оп. 394. Д. 38. Л. 17). Во вновь надстроенном третьем этаже в 1910 г. был развернут особый Памятный Отдел Императора Петра Великого. 5 марта 1914 г. Галерею Петра Великого посетил Николай II. Тогда же он одобрил планы реставрации, переустройства и передачи здания Кунсткамеры Музею антропологии и этнографии, открытие там в 1917 г. новых экспозиций, а также соизволил наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено переданными ранее (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Д. 31. Л. 15) его собственными собраниями 1890–1891 гг., залами Его Императорского Величества Николая II. Решение это опубликовано в Известиях ИАН (СПбФ РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 323–324).

Предметы из Южной Азии перечислены среди ранних приобретений первого российского публичного музея Петербургской Кунсткамеры, основанного царем Петром I в 1714 г. Кунсткамера представляла собой комплексный универсальный музей, ставший основой Императорской Академии наук (созданной в 1724 г.). Индийские предметы обнаруживаются в составе буддийских собраний ИАН, но количество их было невелико. Впрочем, в европейских музеях в конце XIX в. также показать во всей полноте культуру народов Южной Азии было практически невозможно из-за отсутствия профильных экспонатов. Британские власти и др. колониальные державы не допускали в свои владения иностранных исследователей. Этнографические музеи вынуждены были довольствоваться случайными, разрозненными экспонатами, не имея возможности осуществлять целенаправленные сборы на местах. В Германии понятие «Индия» в тот период охватывало Индийский субконтинент, т. н. *Hinterindien* (Юго-Восточная Азия, Индонезия), и Центральную Азию (как регион распространения древней индийской культуры). Тем самым, интересы индологов распространялись на весьма обширные территории.

Формируя концепцию МАЭ, академик В. В. Радлов подчеркивал, что «всё человечество едино», поэтому этнографический музей должен «дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Д. 24. Л. 2). Состав имевшихся в России на конец XIX в. этнографических коллекций не давал наглядного представления о культурах народов Индийского субконтинента.

нента. Мервартам предстояла нелегкая задача — изучить население в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии и Цейлона (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Д. 162. Л. 421), чтобы достойно представить посетителям МАЭ образ Индии. Экспедиция снаряжалась на средства, пожертвованные Почетными членами Попечительного Совета — Губернским Секретарем Борисом Александровичем Игнатьевым, чиновником Государственной Канцелярии (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Д. 161. Л. 406), и Карлом Карловичем Шейблером, директором-распорядителем Акционерного общества бумажных мануфактур (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Д. 69. Л. 41–42). Правление АО располагалось в г. Лодзь. Ситцы российского производства имели высокое качество, в т. ч. ткани фабрики Шейблера имели реальные шансы выйти на индийский рынок.

Сразу отметим, что супругам Мерварт блестяще удалось выполнить свою работу, поскольку они обладали талантом привлекать симпатии самых разных людей во всех посещенных ими странах. В Петербурге о них заботились директор и сотрудники МАЭ, члены Попечительского Совета МАЭ, руководители Академии наук, дипломаты, которые вели переписку, беспокоились о своевременном оформлении документов и отправке финансовых средств, хлопотали о возвращении экспедиции в Россию/СССР. В Азии неоценимую помощь экспедиции оказывали российские дипломаты и купцы, представители британской администрации и ученые, директора и хранители музеев, пандиты и ученые монахи, предприниматели, плантаторы, простые индийцы и цейлонцы.

Для подготовки экспедиции летом 1913 г. Г. Х. Мерварт, принятый в МАЭ «по вольному найму», был командирован ИАН в Германию. Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel, 1876–1935), директор Восточно-Азиатского Отделения Берлинского Музея народоведения (Museum für Völkerkunde), член-корреспондент ИАН, оказал ему теплый приём.

Такого радушия и неизменной готовности пойти навстречу я и представить себе не мог. Я очень рад этому. Радуют меня и личные отношения, которые завязались за короткое время (из письма Г. Х. Мерварта В. В. Радлову от 6 июня 1913 г. Пер. с нем. яз. — Н. М. Сысоева) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 168).

Мерварт основательно изучил материалы о первобытных народах, дравидах, о северной Индии и Бенгалии, в т. ч. письменность (Там же. Л. 168 об.).

А. Грюнведель подсказал Г. Х. Мерварту перспективные для этнографического изучения области Южной Азии — о-в Цейлон (особенно тему местных демонических культов), горы Нилгири, внутрен-

ний Декан, Ориссу и особенно Гималаи. Мерварт проштудировал литературу по демоническим культам, в т. ч. статью Грюнведела о цейлонских масках [Grünwedel 1893], и «пришел к выводу, что здесь с достаточным знанием сингалов и собственным взглядом на церемонии можно сделать очень много (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 263 об.)». В 1905 г. в МАЭ из ИРГО была передана гигантская фигура стража входа МАЭ № 902-1, которую А. Грюнведель атрибутировал как демона (ракшаса) с о-ва Цейлон; в 1907 г. лейпцигский ученый и путешественник Ганс Мейер пожертвовал коллекцию цейлонских масок (МАЭ № 1180) из Музея Умлауфф, в составе которой были аксессуары народного театра и демонических танцев.

Планируя график экспедиции, Г. Х. Мерварт ещё в Германии предполагал, что на о-ве Цейлон за 2–3 месяца возможно собрать полный набор демонических масок и литературу (Заклинания и Колдовские книги), сделать фонографические записи и фотографические снимки заклинаний как материал для дальнейшей точной обработки. Затем он хотел спуститься в Южную Индию, оттуда на 1–2 недели съездить в Мадрас, чтобы завязать связи. Далее он собирался отправиться вглубь континента, к горным народам. Он хотел также поискать демонические культы у тамилы на местах (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 264).

Директор Этнографического собрания Мюнхена (Kgl. Ethnographisches Museum, München) д-р Люциан Милиус Шерман (Lucian Milius Scherman, 1864–1946), профессиональный индолог и санскритолог, поначалу не был особенно любезен. Но Мерварту в конечном счете удалось установить с ним добрые отношения, которые, как он и надеялся, оказались весьма полезны для МАЭ. Люциан и Кристина Шерман как раз вернулись из поездки на о-в Цейлон, в Индию и Бирму. Л. Шерман обещал Мерварту снабдить его рекомендательными письмами своим корреспондентам и знакомым в Индии, поделился полезными сведениями касательно переездов и проживания, общения с британцами и с коренным населением (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 265 об.). Перспективными для сбора этнографических коллекций Шерман считал Ассам и гималайские страны. Из-за большой протяженности области исследований Г. Х. Мерварт запланировал второй год из двух лет экспедиции на поездку по Гималаям и 6 месяцев на посещение центров индуистской культуры (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 264 об.).

В Германии Г. Х. Мерварт изучал основы этнографического музееведения. Он сопоставил способы выставления индийских предметов в Берлинском и в Мюнхенском музеях в пользу последнего. Одновременно он получил предложения об установлении контактов и обменов между музеями Петербурга и Мюнхена.

Экспедиция Мервартов прибыли в Коломбо (Цейлон) 29 мая 1914 г. и оставалась в Южной Азии до февраля 1918 г. С самого начала они повели интенсивную исследовательскую работу: целенаправленно собирали этнографические предметы и максимально полную информацию об их изготовлении и использовании, с согласия владельцев фотографировали вещи из частных коллекций и даже из сокровищниц (в Индии — махараджей Пудуккотты и Траванкора), покупали комплекты коммерческих фотоснимков и книги, упаковывали ящики и оставляли их на хранение в дружественных музеях. К сожалению, не все предметы пережили последующие годы. Только с 1923 гг. ящики несколькими партиями стали доставлять в МАЭ [Котин, Краснодарская, Соболева 2022]. Выяснилось, что только в Мадрасе погибло почти 40% южноиндийских коллекций, в т. ч. предметы, характеризующие быт малых народов, к которым ездили супруги Мерварт [Мерварт 1927: 8].

Большинство сотрудников музеев в Южной Азии были естествоиспытателями, но старались в меру возможностей помочь приехавшим этнографам. Директор Музея Коломбо г-н Джозеф Пирсон (Josef Pearson), зоолог, освободил от обязанностей по музею и прикомандировал к Мервартам двух хранителей — тамила, который нашел для Г. Г. Х. Мерварта учителя тамильского языка, и сингала, который познакомил его с главным буддийским жрецом, знатоком языка Pāli. Братья Джаясинха (Jayasinha) помогли собрать сведения о ланкийском шаманстве; один из братьев был хранителем Музея, он разыскал набор сингальских масок и костюмов для демонических танцев и для театральных представлений, которых, по уверениям Грюнведела и Шермана, отыскать было уже почти невозможно. Мастеров-модельщиков на Цейлоне не было, и Пирсон посоветовал обратиться за помощью к коллеге-зоологу Хендерсону, директору Государственного музея в Мадрасе.

Мервартам удалось найти в Канди гончара, работавшего на храмы, и сделать ему пробный заказ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 231–232). Тот изготовил образцы типичной расписной кандийской керамики (МАЭ № 3069); в коллекционной описи отмечено, что «в настоящее время она употребляется почти исключительно знатными сигналезами для украшения жилищ, особенно распространены цветочные вазы.» Известный художник Сарлис в дер. Ампития создал для МАЭ картины культа бали, жрецом которого он являлся (МАЭ № 3020).

Г-н Сенавиратна (Senaveratne), католик, добровольный секретарь Г. Х. Мерварта, сопровождал её в 1915 г. в поездке по стране и опубликовал статьи Мервартов в журнале “The Ceylon Antiquary and Literary Register”, редактором которого он был [Meerwarth 1915; Meerwarth-Levina 1916–1917]. Когда его супруга в Коломбо родила дочку, Л. А. Мерварт её окрестила, дочку называли Людмила Ратнавали Сенавиратна.

28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, и сообщение с Россией осложнилось. Но Мерварты не хотели терять связи с родиной. Они узнали, что М. С. Андреев собрал для МАЭ новую коллекцию в Южной Индии и опасались приобрести дубликаты (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 201). Когда председатель русского Теософского общества А. А. Каменская приехала в Индию, Мерварты из Лукнау прислали ей в Адьяр ящик с бюстом Будды как дар Теософскому обществу в России [Российско-индийские отношения... 1999: 487].

Мерварты не ограничивали свои контакты только правительственными и академическими связями. Принимали Мервартов на Цейлоне семьи мудальяров Раджапакса (Rajapaksa) и Пуссегода (Pussegoda) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 31). Почетный титул «мудальяр» ввели в XVI в. португальцы для выделения лиц, не являвшихся чиновниками, но оказывающих колонизаторам важные услуги на местах.

Близкое знакомство с тамильским общественным деятелем Поннамбалом Раманатаном (Ponnambalam Ramanathan, 1851–1930), бывшим министром юстиции, имело неприятные последствия. В мае 1915 г. Мерварты невольно оказались свидетелями антимусульманских беспорядков на Цейлоне, попали под подозрение британских властей. Члены организации Manibodhi Society, которая занималась изучением и изданием буддийской литературы и где бывал Г. Х. Мерварт, были арестованы и казнены. У Мервартов изъяли переписку, правда, потом вернули с извинениями (Архив УФСК по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 13. Л. 210–210 об.). Мерварты в конце января 1915 г. приняли решение переместиться в Южную Индию.

Успех экспедиции в этом регионе во многом обеспечили советы и практическая помощь руководства Государственного музея в Мадрасе. Верховный суперинтендант Джон Роберт Хендерсон (John Robert Henderson, 1863–1925) и его помощник ботаник Нарасимха Рао (Narasimha Rao) прекрасно знали регион. Музей уступил МАЭ предметы письменности (МАЭ № 3081), поделился с МАЭ археологическими находками со стоянки Адичанналур (Adichannalur) (МАЭ № 3099, МАЭ № 3306). В наши дни этот памятник южной оконечности Индостана (Tuticorin district) считают древнейшим памятником железного века в штате Тамилнаду (1 тыс. до н. э.). Археологический департамент Индии (Archaeological Survey of India) в 2020 г. принял решение создать музей на территории памятника (Adichanallur).

Мерварты много ездили по городкам и деревням, посетили Пальнийские горы и в ноябре 1915 г. переехали в г. Мадурай. Там Г. Х. Мерварт добыл предметы местных индуистских культов (МАЭ № 3087) и заказал модель колесницы для религиозной процессии (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3 об.). Вероятно, это МАЭ

№ 4804-375, зарегистрированная в 1949 г. как предмет «из старых поступлений». Части подобной старинной колесницы (МАЭ № 2055) из Южной Индии прислал в МАЭ в 1912 г. М. С. Андреев [Краснодембская, Соболева, Кисляков 2018], их регистрация стала первым музейным опытом Г. Х. Мерварта в МАЭ, до отъезда он успел составить научное описание индуистских сюжетов 50 деревянных барельефов.

В Шембагануре и в г. Мадурай Мерварты в 1915 г. были гостями землевладельца и коллекционера Р. Фаукса (Ffoulkes). По их просьбе француз Леже сделал на недорогую фотокамеру Мервартов снимки племени палиян [Мерварт 1927: 8].

Индийские интеллектуалы также приняли в свою среду российских путешественников. Г. Х. Мерварт продолжал изучать буддизм и литературу на языках пали, санскрите и тамильском. В г. Мадрас ему помогал выдающийся ученый-махопадхья пандита Субраманья Айар (Subramanya Ayar), в г. Мадурай — поэт Гопала Кришна Айер (Panditha M. Gopala Krishna Iyer, 1878–1927), публиковавшийся под именем Ма.Ко., переводчик, издатель журнала на тамильском языке. Мерварт захотел сделать полный перевод тамильского буддийского памятника «Manimeghalei (Повесть о Манимехалей)» на европейский язык с введением и комментариями (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 176. Л. 3).

Местным жителям льстило, что Мерварты разыскивали подлинные образцы их культуры для российского музея. В Коломбо помощник Л. А. Мерварт Тагис-Аппу (Thagis-Appoo), следуя её указаниям, покупал для музея вещи по местным ценам (СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 200.), в г. Мадурай брахманская подруга купила так целый набор медной посуды (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 176. Л. 4). Записки Л. А. Мерварт о Цейлоне, переизданные Н. Г. Краснодембской, раскрывают мысли, ощущения, усилия российского этнографа по вхождению в новую для нее среду. Л. А. Мерварт овладела методом включенного наблюдения, наладила добрые отношения с женщинами, соблюдала этикетные нормы, уважала обычаи, но упорно вела полевою этнографическую работу, изучала быт и устои семей [Мерварты 1997–1998]. Она охотно принимала приглашения пожить в семьях, вне городов. Когда в г. Мадурай разразилась эпидемия холеры, она отправилась в больницу местной американской миссии и помогала женщине-врачу как медсестра. Этот подвиг не остался незамеченным индийцами.

В Пудуккоттай Мервартов пригласили британский резидент Берн (Bern) и брат местного махараджи. Директор Краеведческого музея д-р Сама Рао (Sama Rao) помог им собрать коллекцию лекарственных трав (МАЭ № 4689). В г. Триссур Мерварты три недели прожили в доме чиновника Индийской гражданской службы, девана (министра) Кочинского княжества Джозефа Уильяма Бхора (Sir Joseph William Bhore

1878–1960). Он подарил им фотографии, сделанные во время службы в стране гондов (МАЭ № 3352-42-46).

Одному из лидеров антропологической науки Анантакришне Айеру (Ananthakrishna Iyer, 1861–1937) было поручено организовать зоологический сад и этнографический музей штата Кочин. Популярность и образовательная ценность, набор и расположении экспонатов сделали это учреждение в Тричуре чрезвычайно интересным и привлекли внимание правительства, а также иностранных гостей, посещавших город. Во время этнографического обследования Малабарского побережья Анантакришна Айер лично фотографировал группы местного населения и некоторые фотоотпечатки (МАЭ № 3302) подарил Мервартам. Специально для экспедиции он заказал типичные для местных каст ювелирные украшения из тоненькой позолоченной металлической пластинки и следил за выполнением заказа (МАЭ № 3089).

Находясь в Мадраасском президентстве, Мерварты были обязаны сообщать губернатору свои планы на 2–3 месяца вперед. Зато распоряжением властей (при содействии русского консульства в Калькутте) Мерварты периодически получали статус «гостей государства», что позволяло им экономить на гостиницах и пользоваться современным транспортом (мотоциклеткой с коляской, автомобилем, моторной лодкой). Это была большая удача, поскольку в середине 1916 г. британские власти резко усложнили полицейские формальности и ограничили доступ иностранцев во многие районы Индии.

В Тируванантапуре ведущий индийский санскритолог Ганапати Шастри (T. Ganapati Śāstrī, 1860–1926), первооткрыватель пьес Бхасы, вдохновил Г. Х. Мерварта перевести все 13 драм с санскрита на английский язык [Meerwarth 1917]. Первый суперинтендант Археологического департамента, археолог Траванкора Т. Гопинатха Рао (T. A. Gopinatha Rao, 1872–1919), знаток индуистской иконографии, консультировал Мервартов по своей специальности. Позже статья А. М. Мерварта «Les Kathakali du Malabar» во французском журнале «Journal Asiatique» [Meerwarth 1926] оказалась прорывной в европейском востоковедении, открывшей суть этого вида траванкорского театрального искусства.

Л. А. Мерварт на Малабарском побережье приняла приглашения наярской семьи в г. Каликат; г-н Филлипозе (Phillipose), глава касты назрани мапилла (сирийских христиан), пригласил её в Коттаям (Архив УФСК по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 13. Л. 227). Из Квайлона Л. А. Мерварт совместно с наяркой-инспектором туземных школ объехала их главные селения, изучая народные верования и обычаи [Мерварты 1927: 10]. В изучении записанных ею народных песен помогали журналист Падманабха Айер (Padmanabha Iyer A., или Karamanai A. P. Iyer, 1869–1942) из Коимбатора и лексикограф языка малайалам Падманабха Пиллай (Sreekanteswaram G. Padmanabha Pillai, 1864–1946) [Мерварт 1927: 16].

Февраль-июнь 1916 г. супругам Мерварт пришлось провести в горах Нилгири. Из-за отсутствия стабильных финансовых ресурсов Г. Х. Мерварту пришлось устроиться на службу; став руководителем отдела снабжения рабочей силой Южно-Индийского союза плантаторов в Коимбаторе, он много ездил по деревням, а от подчиненных получал сведения о положении в деревнях. Когда ИАН продлила срок экспедиции еще на два года, Мерварты получили возможность покинуть дравидийский юг. С остановками в Майсуре и Калькутте они отправились на север.

Центральной Индии, благодаря рекомендации Анантакришны Айера, они в мае 1916 г. пользовались покровительством археолога Хирананда Шастри (Hiranand Sastri, 1878–1946), помощника заведующего Провинциального музея Лакхнау (Provincial Museum, Lucknow). Он собрал для МАЭ репрезентативную коллекцию типичных музыкальных инструментов, используемых разными классами и профессиями в провинции, и упаковал ее в три ящика (МАЭ № 2980), помог заказать для МАЭ макеты и модели, иллюстрирующие сельскую жизнь Северной Индии (МАЭ № 3019), глиняные фигурки аскетов и божеств (МАЭ № 2993). Хирананд Шастри руководил раскопками древнеиндийского города Санкисса, одного из «Восьми великих мест» буддийского паломничества, и А. М. Мерварт провел там в деревне две недели; также он посетил Археологический Музей в Сарнатхе (The Sarnath Archeological Museum), пригороде Бенареса [Мерварты 1927: 19].

Чуть позже заведующий Государственным музеем в Матхуре (the Government Museum, Mathura) познакомил их с кушанским периодом истории Индии. В собрании Мервартов есть несколько фрагментов археологических предметов из Матхуры (МАЭ № 3181-3).

В Северной Индии Мервартам сначала пришлось нелегко. Кашмирский махараджа с большим запозданием получил распоряжение принять их как гостей государства, так что в Шринагаре Мерварты сначала были представлены сами себе. Но затем работа пошло активно и с хорошими результатами. Мерварты приняли на два месяца в качестве секретаря молодого ученого г-на Джагаддхара Заду Шастри (Jagad-dhar Zadu Shastri), учившегося в Лахорском Университете. С А. М. Мервартом осенью 1916 г. он обошел пешком высокогорные районы, показав ему культуру паломников и аскетов; он заказал реплики украшений кашмирских брахманов (МАЭ № 3014) и добыл для МАЭ комплект карт для игры «сидаста» (МАЭ № 3017). Наборы типичной одежды и украшений (МАЭ № 2977, МАЭ № 3162) были куплены в магазине у Khaja Noor Din Buch @ Sons, Post Maharaja Rambeer Ganj, Kashmir. В августе-сентябре 1916 г. в мастерской Абдула Азиза в Шринагаре для Мервартов был специально изготовлен комплект из четырех образцов, демонстрирующих основные этапы работы над папье-маше

(МАЭ № 2996), а кашмирский мастер Асадулла выполнил на кусках картона образцы орнамента (МАЭ № 3228).

Джагаддхар Заду Шастри познакомил Л. А. Мерварт с Якуб-ханом, сыном правителя почти независимого ханства Хунза (Hunza) к северу от Кашмира; тот пригласил Л. А. Мерварт к себе в Гунзу, но британцы этого не допустили (Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской обл. Д. П-65245. Т. 13. Л. 228).

Перебравшись в конце сентября в г. Лахор, Мерварты познакомились с санскритологом Альфредом Купером Вулнером (Alfred Cooper Woolner, 1878–1936), директором Восточного колледжа Университета Пенджаба, и с Хью Лайонелем Хитом (Hugh Lionel Heath 1871–1938), директором знаменитого Центрального музея (Central Museum, Lahore) в Лахоре. Хит поощрял изучение археологии и копирование образцов искусства в Пенджабе и, будучи ректором художественного техникума Майо (Mayo School of Arts), разрешал студентам продавать свои копийные работы. Для МАЭ были выбраны рисунки изразцов, украшавших стены памятников средневековой архитектуры в Лахоре — мечетей Вазир Хана и Даи Анга, гробницы Гулаби Баг, мавзолея Джахангира, ворот Чаубурджи, башни Самман-бурж (МАЭ № 3003). Куратор музея в октябре 1916 г. презентовал МАЭ несколько текстильных изделий из Раджпутаны (МАЭ № 3164).

Мерварты были представлены сэру Джону Хьюберту Маршаллу (Sir John Hubert Marshall, 1876–1958) — генеральному директору Археологической службы Индии в 1902–1928 гг., отвечавшему за раскопки, которые привели к открытию Хараппы и Мохенджо-Даро, двух ключевых городов-объектов индийской цивилизации. Гарольд Харгривс (Harold Hargreaves, 1876–?), сотрудник Археологической службы Индии — суперинтендант Северного Круга, объезжавший курганы в Хараппе, Раджанпуре и Сарнатхе, помог им ознакомиться с культурой Гандхара. В Калькутте с ними общались члены Археологического департамента Перри Браун (Perry Brown) и Кетр, в Ассаме — Гурдон (Gurdon) (Архив УФСБ по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 12. Л. 297 об.). Мерварты мечтали увидеть раскопки в Таксила (Taxila) (АВПРИ. Ф. 238 Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 10).

В Пенджабе А. М. Мерварт подружился с Гулям-Наби (Goolam Nabi), купцом из Амритсара; они называли друг друга бхай — названными братьями. Гулям-Наби помогал отправить почту Мервартов через Кабул (Архив УФСБ по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 13. Л. 256).

По причине болезни Л. А. Мерварт в конце 1916 г. супруги прожили в Дели три месяца. Британцы направили к ним *дарогу* (военного писаря местного гарнизона) для наблюдения под предлогом обучения их языку урду. Как и всем своим помощникам, Мерварты щедро ему платили и давали большой бакшиш (денежный подарок). Л. А. Мерварт подружилась с женой дароги и помирила её с его семь-

ей. *Дарога* предупреждал Мервартов, когда узнавал о чем-либо готовящимся против них.

Точно так же в Калькутте помощник заведующий Отделом искусства Индийского Музея Рам Чандра (Ram Chandra) предупреждал их о полицейской слежке; А. М. Мерварта вызывали пару раз, но потом извинялась за отсутствие оснований для репрессий (Архив УФСК по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 13. Л. 209). Рам Чандра ездил в Гурна, района г. Кришнагар, Западная Бенгалия, в мастерскую модельера Бабу Джаду Натх Пала (Babu Jadu Nath Pal), чтобы убедиться, что модель бенгальской деревни, которую тот делал по заказу А. М. Мерварта, точно соответствует музейному образцу в Калькутте. Мастер упаковал модель в четыре ящика и лично привез в Калькутту в январе 1917 г. (МАЭ № 3019).

Жена *дароги* помогла собрать в Дели коллекцию детских игрушек (МАЭ № 2984). Позже, 7 июня 1926 г. слушательница курсов техники игрушечного дела Техникума кустарной промышленности Е. Е. Андреевская была направлена в МАЭ для разработки семинарской темы «Индийская игрушка» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Д. 5. Л. 462).

Последний этап экспедиции проходил в Бенгалии. Мерварты в июне 1916 г. побывали проездом в Индийском музее (The Indian Museum). В начале 1917 г. профессор Гиваргис (Givargis), сирийский христианин, устроил Мервартов в общежитие малабарских студентов Серампурского Колледжа Калькуттского Университета. Оттуда летом 1917 г. Мерварты совершили поездку в Шиллонг, на северо-восток Индии. В сентябре 1917 г. директор Индийского института (The Indian Institute) зоолог д-р Т. Н. Аннандель (T. N. Annandale) пригласил А. М. Мерварта на полгода на работу в качестве помощника куратора этнографического отдела Индийского музея в Калькутте и предложил ему создать, хотя бы частично, Этнографический отдел. А. М. Мерварт принял предложение при условии, что в качестве награды он получит для МАЭ дубликаты коллекционных предметов — музыкальных инструментов (МАЭ № 2980) и оружия (МАЭ № 2983, МАЭ № 3005), чтобы дополнить уже собранные комплекты.

А. М. Мерварт проинвентаризировал, упорядочил и зарегистрировал этнографические коллекции, подготовил две выставки — индийских народных музыкальных инструментов и культуры племени (Андаманские и Никобарские о-ва, Ассам). Составленные им путеводители по Этнографической галереи вышли соответственно в 1917 [A Guide 1917] и в 1919 гг. [Meerwarth 1980].

Из Калькутты летом 1917 г. Мерварты совершили поездку в Шиллонг, на северо-восток Индии. Ранее, в 1911–1912 гг. участники русской экспедиции в Индию под руководством С. Н. фон-Вика достигли пределов британских владений в Ассаме и осуществили сбор зоологических коллекций для Зоологического музея ИАН, откуда некоторые

этнографические предметы попали в МАЭ (МАЭ № 2096; № 3105). Экспедиция общалась в Ассаме с малыми народами — мишми, абор, камти, мири и др. [фон-Вик 1914]. В особом разделе «Путеводителя» А. М. Мерварт описал материальную культуру этих народов, но посетить их по месту проживания ему не разрешили.

2 мая 1917 г. А. М. Мерварт был избран иностранным членом Азиатского общества Бенгалии (The Asiatic Society of Bengal) в Калькутте. Но это не помогло ему ни закрепиться в музее, ни найти оплачиваемую должность в университете. Договорившись о складировании ящиков на хранение в подвалах Индийского музея, в конце февраля Мерварты завершили экспедицию.

Мерварты сознавали, что успехом работы в Южной Азии они обязаны своему официальному статусу лиц, состоящих на государственной службе России, союзной с Великобританией (АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 12). Тем не менее, британское правительство отказало Мервартам в поездках к гондам в Южную Индию, затем — в Ассам и Манипур, на границу своих владений. За эти четыре года Мервартам довелось пожить в статусе «гостей государства» в государственных гостевых домах, были приняты в домах знатных особ. Они изучали собрания государственных, княжеских и частных музеев и библиотек, составляли этнографические анкеты для описания некоторых групп индийского населения, делали фотографии *in situ*. Нередко супругам приходилось разделяться и самостоятельно работать в разных местах, изучать разные темы. А. М. Мерварту удалось посетить места значимых археологических раскопок, поскольку археологи, антропологи и кураторы музеев приглашали его принять участие в своих экспедиционных и инспекционных поездках. Личный вклад этих известных ученых в составление коллекций для российской Академии наук пока не получил достаточной оценки. К сожалению, А. М. Мерварт очень кратко упомянул, что был знаком с семьей Тагора (с его братьями) и рядом индийских ученых (Архив УФСК по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 12. Л. 297 об.).

Опыт знакомства А. М. Мерварта с практикой индийских музеев впоследствии вылился в статью «Музейное дело в Индии», весьма полезную для развития отечественной музеологии [Мерварт 1927].

Александр и Людмила Мерварт вернулись с Дальнего Востока в Ленинград 3 августа 1924 г. и проработали в МАЭ шесть лет. Только через десять лет они вновь получили возможность работать со своими приобретениями. Предметы надо было разобрать, почистить, отреставрировать, для более чем 5 тыс. этнографических предметов и 3 тыс. негативов и фотоотпечатков составить коллекционные описи. При распаковке ящиков был нарушен оригинальный порядок укладки, но авторская маркировка вещей облегчила их атрибуцию в МАЭ. Книги по истории и культуре Индии и Цейлона пополнили библиотеки Акаде-

мии наук СССР. Музейный, экспедиционный и предпринимательский опыт Мервартов был востребован при реорганизации МАЭ. В кратчайшие сроки (1924–1925 гг.) они развернули в первую постоянную экспозицию отдела Индии, дополненную путеводителем — фактически, минимонографией [Мерварт 1927]. А. М. Мерварт стал первым заведующим отделом Индии МАЭ (1924–1929) и подготовил смену — студентов-индологов, этнографов, музееведов, театроведов. Л. А. Мерварт, проработав полгода с индийскими коллекциями, была назначена заведующей отделом Индонезии МАЭ.

В 1926 г. А. М. Мерварт опубликовал статью «Роль музеев в культуре современной Индии» в журнале «Научный работник» [Мерварт 1926]. В статье «Достижения и проблемы индийской этнографии» в журнале «Этнография» [Мерварт 1927] он проанализировал современные публикации, собственный практический опыт и достижения индийских ученых. А. М. Мерварт описал и высоко оценил деятельность Антропологической Службы Индии, о работе которой знал не понаслышке, но критиковал британскую администрацию. Это была информация из первых рук на русском языке о развитии музеев и этнических культур в Индии.

В 1927 г. супруги Мерварты продолжили исследования в Европе. Два летних месяца А. М. Мерварт во Франции занимался тамильским и малаяльским языками с Рагхунатхом Рао, магистром права Эдинбургского университета, уроженцем Танджавура (Танжор). Месяц они прожили на ферме его тестя близ Ниццы, соединив занятия с отдыхом. А. М. Мерварт неоднократно подчеркивал влияние семьи Рао и её членов (князя, купечество, адвокатура; в г. Мадра он был знаком с присяжным поверенным и купцом Рао Сахибом). Рагхунатх Рао проживал в Женеве и был членом общества “Servants of India Society” («Слуги Индии») (Архив УФСК по СПб. и обл. Д. П-65245. Т. 12. Л. 78). Его прадед Мадхава Рао Танджавуркар (Raja Sir Tanjore Madhava Row или Madhava Rao Thanjavurkar, 1828–1891) был важным политиком и правительственным чиновником в Траванкоре. Рагхунатх Рао послужил прообразом доктора Джаганата Кунду, главного героя пьесы Г. С. Венецианова «Джаму Маджид», которая с успехом прошла по сценам советских театров в 1927–1928 гг. [Котин, Краснодембская, Соболева 2019].

В России, в Германии и во Франции А. М. Мерварт щедро делился полученными знаниями, популяризировал индийскую литературу, науку, музеи, искусство, народный театр и т. д. В разных учреждениях он читал курсы по географии и этнографии Индии, преподавал политическую и социальную историю, грамматику дравидийских языков, индийские религии, музеологию, а также литературный и разговорный тамильский язык. Его вузовские программы предусматривали проведение занятий на Индийской экспозиции МАЭ. В 1928 г.

А. М. Мерварт прочитал по радио цикл лекций по земельному вопросу в Индии, разработал концепцию Сектора культуроведения Ленинградского Первого Рабоче-крестьянского радиоуниверситета, и т. д. Повторы лекций неоднократно транслировались по радио. Они закладывали основы международной солидарности трудящихся, формировали положительное отношение в СССР к культуре и народам Индии. Становится понятным, почему и в городах, и в отдаленных селах СССР люди знали о текущих событиях в мире, искренне сочувствовали жителям стран Востока, боровшимся за независимость, и оказывали им помощь, что ярко проявлялось во время событий 1930–1940-х гг. Программы Радиоуниверситета оказали значительное влияние на отечественную народную дипломатию.

В свою очередь, А. М. Мерварт заботился об образовании молодежи и о популяризации востоковедческих знаний: организовывал закупку за рубежом литературы по бенгальскому фольклору, литературе, этнографии, убеждал Государственное издательство принимать переводы на русский язык с тамильского, бенгальского и др. языков индийских литературных произведений (таки авторов как Тагор, Банкимчандра, Гангули) и печатать их в «Бюллетене иностранной литературы».

По случаю объединения МАЭ и Института по изучению народов СССР (ИПИИ) в новый Институт антропологии и этнографии АН СССР А. М. Мерварт предложил проект новой этнолингвистической экспедиции в Индию (Декан, западные Гаты) в 1929–1933 гг., а Л. А. Мерварт — проект экспедиции в Нидерландскую Индию

А. М. и Л. А. Мерварты обладали редким талантом устанавливать добрые отношения на местах, обзаводиться помощниками, сторонниками, друзьями в разных этнических средах. Н. Г. Краснодембская в 2013 г. разыскала в Шри-Ланке потомков семьи Пуссегода и узнала, что они хранят память о Людмиле Мерварт и о её пребывании в дер. Ампития.

Помощь большого количества людей сделала российскую этнографическую экспедицию и её культурно-дипломатическую миссию успешной. Поддержка Академии наук помогла Мервартам преодолеть трудности военного периода, решить финансовые проблемы, пережить послевоенную разруху и создать новую живую науку индологию, а затем и малаистику в нашей стране. Собранные экспедицией Мервартов материалы составляют значимый сегмент отечественной науки и музейного дела, обладают огромным потенциалом и требуют дальнейшего изучения.

Литература

Вигасин А. А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. М., 2003. Т. 2. С. 375–398.

Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 468 с.

Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Индийские реалии на советской сцене в середине 1920-х годов (к истории МАЭ) // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции) / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. — 292 с. С. 113–134.

Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. Том 21, № 2: Россия и Прибалтика в XX веке. (2022). С. 288–299.

Краснодембская Н. Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). Москва, 1983.

Краснодембская Н. Г. Л. Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 203–232.

Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С., Кисляков В. Н. Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции Музея антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 220 с.

Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С. Мечта об Императорском зале: известные идеи устройства МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царскосельской научной конференции. Сборник научных статей. В двух частях. Ч. 1. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2009. С. 257–266.

Мерварт А. М. Роль музеев в культуре современной Индии // Научный работник. 1926. № 2. С. 84–96.

Мерварт А. М. Достижения и проблемы индийской этнографии // Этнография. 1927. Т. 3, № 1. С. 123–156.

Мерварт А. М. Музейное дело в Индии // Известия ГАИМК. М.; Л.: Соцгиз, 1927. Т. 5. С. 139–156.

Мерварт А. М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л., 1927. 96 с.

Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Ленинград, 1927. 24 с.

Мерварт А. М., Мерварт Л. А. В глуши Цейлона (путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.) // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 11. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. С. 326–351; Вып. 12. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 333–376.

Отчет о деятельности МАЭ за 1915 год. Петроград, 1916.

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: сборник архивных документов и материалов / отв. ред. Т. Н. Загородникова, П. М. Шаститко. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 527 с.

Adichanallur to have an on-site museum // The Times of India. Feb.2 2020.
URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/chennai/adichanallur-to-have-an-on-site-museum/articleshow/73855287.cms> (дата обращения: ?).

Grünwedel A. Sinhalesische Masken // Internationales Archiv für Ethnographie. T. 6. 1893. S. 71–88. Taf. VI–X.

A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Indian Museum, Calcutta. by A. M. Meerwarth. Review by: H. Ling Roth. Rev. by Ling Roth, Henry // *Man*. 1919. Vol. 19, Jan. P. 14.

Meerwarth A. M. The Dramas of Bhasa: A Literary Study // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS)*. 1917. Vol. XIII, № 5. P. 261–280.

Meerwarth A. M. Les Kathakalis du Malabar // *Journal Asiatique*. 1926. Vol. 4. P. 198–284.

Meerwarth A. M. The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam. With a new introduction by Dr. N. N. Acharyya. Pan Bazar; Gauhati: Spectrum Publications, 1980. 51 p., VI pl.

Meerwarth H. Outlines of Sinhalese Folklore // *Ceylon Antiquary and Literary Register*. Vol. I, pt. 1. 1915. P. 4–7.

Meerwarth-Levina L. The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // *Ceylon Antiquary and Literary Register*. 1916–1917. Vol. I, pt. 1. P. 29–37.

Gustav Herrmann Christian (since 1916 – Alexander) and Ludmila Meerwarth of the Russian Academy of Sciences undertook ethnographic expedition for St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) in 1914–1918. They did not limit their contacts only by academic links. Among hosts and informants of the Meerwarths were Rajapaksa and Pussegoda families in Ceylon, Phillipose family in Kerala, Dr. Anantakrishna Ayer in Kochin, Dr. Sama Rao in Pudukkottai, Mr. J.W. Bhore in Thrichur, Mr. Jagaddhar Zadu Shastri in Kashmir, Prof. Givargis in Serampore, etc. The Meerwarths were invited to take part in the voyages undertaken by local archaeologists, anthropologists and museologists. A.M. Meerwarth studied Buddhism, Pali, Sanskrit and Tamil languages and literature; in India, he translated the plays of Bhasa from Sanskrit into English, the Tamil poem Manimehale. His article “Les Kathakali du Malabar” in “*Journal Asiatique*” (1926) broke the European ignorance in Indian performing arts. As the member of the Indian Museum in Calcutta, A.M. Meerwarth wrote catalogues and guide-books, exhibited collections of Indian musical instruments and ethnography. Folk art objects were presented to him for the MAE by the directors of Museums in Colombo, Madras, Trichur, Lucknow, Lahore, Calcutta; models and replicas of artefacts were ordered specially for the MAE. The Meerwarths established good relations with local scholars who became not only assistants and supporters but friends. Their help made this ethnographic mission successful despite difficulties of the I World War period and financial problems.

Keywords: A.M. and L.A. Meerwarth, Museum of Anthropology and Ethnography, Ceylon, India, ethnography, archeology, museology.